

5. ГАРФ. СА. Оп. 4. Д. 319.
6. Северная пчела. 1849. 16 февр., № 35.
7. Северная пчела. 1849. 29 марта, № 69.
8. Северная пчела. 1849. 29 июля, № 167.
9. Северная пчела. 1849. 21 марта, № 63.
10. Северная пчела. 1849. 14 мая, № 105.
11. Северная пчела. 1849. 17 мая, № 107.
12. Северная пчела. 1849. 28 мая, № 116.
13. Северная пчела. 1849. 24 февр., № 42.
14. Северная пчела. 1849. 17 окт. № 230.
15. Северная пчела. 1849. 12 авг., № 180.
16. Северная пчела. 1850. 26 янв., № 21.
17. Северная пчела. 1850. 9 февр., № 32.
18. Северная пчела. 1849. 20 дек., № 283.
19. Северная пчела. 1849. 17 мая, № 107.
20. Северная пчела. 1850. 5 февр., № 27.
21. Северная пчела. 1850. 11 мая, № 104.

Е.Н. Ардабацкий

Н

МЕЦКИЕ ПОСЕЛЕНЦЫ НОВОРОССИИ И КРЫМА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XVIII ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Первое массовое переселение немецких колонистов в Российскую империю, как известно, было проведено Екатериной II в 1762–1766 гг. Его результатом стало последующее устойчивое заселение и успешное хозяйственное освоение немецкими колонистами значительных пространств Саратовского края в XVIII – первой половине XX в. [1–3]. Второй этап «водворения» немецких переселенцев на необжитые пространства Российской империи был предпринят Екатериной II спустя 30 лет в связи с необходимостью интенсивного хозяйственного освоения земель Новороссии, образованной в середине 1760-х годов последовательной политикой укрепления южных границ империи начиная с Петра

Великого. Во втором переселении немцев в Россию, наряду с протестантами-лютеранами, значительную роль сыграли меннониты, в результате долгих религиозных гонений обосновавшиеся в Пруссии около городов Данцига, Ельбинга и Мариенбурга. Возможность их переселения в Россию Екатерине II подсказал в 1786 г. граф П.А. Румянцев-Задунайский [4, с. 183]. Меннониты были одной из ветвей немецкого протестантизма в Германии начала XV в. получившие название от своего основателя Симониса Меннона (1496–1561), голландца по происхождению, чье учение, почти тождественное с догматикой анабаптистов, носило исключительно религиозный характер, а сами меннониты по образу своей жизни отличались редким трудолюбием [5, с. 101–103]. Именно эти их качества сделали меннонитов привлекательными для Екатерины II и последующих императоров, покровительствовавших их переселению в Российскую империю.

В 1789 г. по приглашению правительства Екатерины II в Россию прибыла первая партия меннонитов в составе 228 семейств, «водворением» которых было положено практическое начало второй (после 60-х годов XVIII в.) немецкой иммиграции в Российскую империю [6, с. 115–128]. На протяжении всего XVIII и в XIX вв. водворение в России иностранцев (сербов, волохов, молдаван, греков, армян, немцев и др.), законодательно обеспечивалось именными и сенатскими указами, то есть законами Российской империи. Этот порядок наблюдается и при переселении немецких колонистов в последнее десятилетие царствования Екатерины II, при императорах Павле I и Александре I. Немецкие поселения создавались в новых губерниях, входивших в территориально-административное деление Новороссийского Края – Новороссии. Так, Именным указом 17 августа 1793 г. санктпетербургскому вице-губернатору было повелено переселить в Екатеринославскую губернию 273 души обоюбого пола Ямбургских колонистов [7, с. 454].

В период 1793–1796 гг. вновь прибывшие 118 семейств немецких колонистов частью расселились в существовавших уже немецких колониях, частью в новых колониях – уездах Александровском и Новомосковском Екатеринославской губернии, составной части Новороссии.

В конце XVIII столетия в Новороссии были водворены немецкие колонисты – меннониты, а также иозефстальские, данцигские, шведские и ямбургские немцы. Всего в 1796 г. – последнем году жизни и деятельности Екатерины II (главной вдохновительницы немецкой колонизации в Новороссии) – насчитывалось 5,5 тысяч немцев [8, с. 24].

Отметим компактные группы немецких переселенцев, обосновавшихся в Новороссии в эпоху Екатерины II. Иозефстальские колонисты (90 семейств

лютеранского исповедания), выехавшие из окрестностей г. Данцига в 1789 г., были водворены в Новомосковском уезде Екатеринославской губернии особой колонией Иозефсталь, где им было отведено 3910 десятин удобной земли. Колония была удобно расположена на плодородных землях, позволявших заниматься земледелием и скотоводством [6, с. 117–118].

Интересен пример переселения немецких колонистов из Данцига, который показывает механизм действий вызывателей и их роль в приглашении в Россию колонистов. Данцигские колонисты в 1787–1788 гг. были вызваны из Пруссии по инициативе генерал-губернатора Новороссийского края Г.А. Потемкина специально посланным комиссаром – коллежским советником Георгом Траппе. Траппе был одним из агентов российского правительства по набору иностранцев в Европе для их «водворения» в Российской империи, труд которого соответственно оплачивался. Примечательно, что Г.А. Потемкин настаивал на наборе из Данцига именно крестьянских семейств как наиболее подходящих для колонизации Новороссии. Однако Траппе, материально заинтересованный в увеличении количества переселенцев, набирал всех подряд, из-за чего в Россию выехало много случайных и неподготовленных к сельскохозяйственной работе людей. Деятельность Траппе в Данциге в 1786 г. привела к переселению в Россию «в общей сложности 910 душ человек (510 муж. п. и 400 жен. п.). Но из них 49 человек муж. п. и 24 жен. п. бежали, 8 мужчин и 1 женщина умерли, около 50 мужчин поступили в военную службу. Остальные колонисты – 404 души муж. п. и 351 души жен. п. были водворены в Таврической области и Екатеринославской губернии. Из них 14 семейств было поселено в шведской колонии, 21 семейство образовало особую колонию – “Немецкую”, переименованную в “Старый Данциг” в новом поселении Елисаветградского уезда Херсонской губернии» [6, с. 118]. Остальные немцы были частью водворены в Крыму, частью расселились по городам, причем некоторые «померли или самовольно разошлись» [9, с. 265, 289].

Другой вербовщик – Соколовский – с весны по ноябрь 1788 г. отправил в Россию 1333 души обоого пола меннонитов и лютеран, которые через Ригу были направлены в Кременчуг и далее в Екатеринослав (Павлом I переименованный в Новороссийск). В Екатеринославскую губернию перевозка колонистов была совершена весной 1789 г. [9, с. 335].

Ямбургские колонисты в 1797г были переселены в Новороссию из г. Ямбурга С.-Петербургской губернии в числе 57 семейств, в которых считалось 273 души обоого пола. Сначала они были размещены между жителями казенного селения Старого Кайдака, где прожили один год и восемь месяцев «при совершенном недостатке во всем потребном».

Вследствие болезней они потеряли 44 человека (осталось 239 душ). К 1800 г. они были поселены в особой колонии под названием Ямбургской, в 17 верстах от Новороссийска [6, с. 119, 141–143].

Меннониты («меннонисты») выехали из Пруссии и окрестностей Данцига в начале 1789 г. в составе 228 семейств. Они получили от правительства Екатерины II существенные льготы, утвержденные законодательно в числе 15 пунктов, включавших свободу веры, получение каждым семейством равных наделов земли по 65 десятин, освобождение от всяких податей на десять лет, освобождение от подводной и постоянной повинностей, а также от воинской службы. Меннониты получили право заводить фабрики, торговать, вступать в гильдии и цеха. По прибытии в Россию каждая из семей получала от государства по 500 руб. на обзаведение хозяйством (с погашением через три года), а также наделялась строительным материалом «по 120 четырехсаженных бревен и нужного числа лесу для двух мельниц, также шести жерновых камней». Меннониты получали проездные деньги (25 коп. на взрослого и 12 коп. на ребенка в день) на дорогу до места водворения, а также платежи от правительства (10 коп. на человека в день) со дня прибытия на место до первой жатвы. За казенный счет они наделялись также посевным материалом с последующим его возмещением, как и денежных подъемных.

В Новороссийской губернии меннонитам вместо первоначального места водворения по реке Конские Воды было отведено к поселению урочище Хортицы, лежавшее по правому берегу р. Днепра с одноименным островом (ранее – центр Запорожской Сечи). Здесь меннониты основали первоначально 8 колоний: Хортиц, Розенталь, остров Хортиц, Эйнлаге, Кронсвейде, Нейнбург, Нейндорф и Шёнгорст. Таким образом, в 1789 г. меннонитами был заселен Хортицкий округ Екатеринославского уезда Екатеринославской губернии. Но этим первым переселенцам – меннонитам и лютеранам – в первые годы выпали тяжелые испытания, связанные с тягестями новой русско-турецкой войны, смертью их покровителя князя Г.А. Потемкина, перебоями с выдачей обещанных пособий из государственной казны.

Общими неудачами первого водворения немецких переселенцев в Новороссии, несмотря на финансовую поддержку российского правительства, были: явный недостаток людей, способных к занятию земледелием и скотоводством, отсутствие состоятельных («достаточных и прилежных») семей и преобладание случайных людей, не справлявшихся с трудностями сельской жизни. Законодательно отмечалось, что такие переселенцы «к хозяйству не радеют и остаются в бедности и дурно устроенными <...> пришед в нищету» [6, с. 115–128].

Однако в конце времени правления Екатерины II переселение в Россию немцев-колонистов продолжалось. В 1793–1796 гг. в Россию прибыло еще 118 семейств меннонитов, составивших второе водворение меннонитов. Из них 86 семейств обосновались также на Хортице, а другие 32 поселились двумя особыми колониями. Одна из них, под названием Шенвизе (17 семейств), находилась в Павлоградском уезде, другая, Кронсгартен (15 семейств), – в Новомосковском уезде [9, с. 335].

Меннониты этой волны переселения прибыли в Россию уже со значительными денежными средствами и привезли с собой более 400 голов лошадей и некоторое количество рогатого скота хороших иностранных пород. Меннониты своевременно получили и обещанную правительственную ссуду, поэтому их прибытие положительно повлияло на первых колонистов. Постепенно они обзавелись домами и необходимым хозяйственным инвентарем, усердно занялись хлебопашеством и получили возможность обходиться собственным, не покупным хлебом. Таким образом, правительством Екатерины II были заложены начала немецкой колонизации юга России, давшие впоследствии обильные всходы [9, с. 336–338].

Короткое царствование императора Павла I в свою очередь было отмечено последовательной заботой государства о переселении немцев в Новороссию и законодательным обеспечением устройства их колоний. Правительственные инициативы Павла I открывают второй этап немецкой колонизации, который приходится на первую четверть XIX в. Новым явлением в устройстве немецких колоний было учреждение контор Опекунства иностранных – Саратовской (вновь) и Новороссийской, а также особого инспекторства для санктпетербургских колонистов. К ведению этих учреждений отошли все дела колонистов, за исключением уголовных дел [10, с. 121]. Контора Опекунства Новороссийских иностранных поселенцев и ее инструкция были введены по утвержденному Павлом I докладу Сената от 6 апреля 1800 г. [6, с. 115–128; 11, с. 29]. Контора Опекунства находилась в Новороссийске (при Екатерине II – г. Екатеринослав). Начальником Конторы и главным судьей был назначен коллежский советник Контениус, а его помощником был определен Бригоицы [11, с. 29].

Указом Павла I от 26 июля 1800 г. был утвержден доклад Сената с инструкцией Конторе опекунства Новороссийских иностранных поселенцев, где подробно перечислялись права и обязанности Конторы и колонистов, давались наставления, как управлять Новороссийскими колониями, чтобы добиться предназначенной от них пользы. Контора опекунства должна была управлять всеми иностранными колониями в Новороссийской губернии, «иметь надлежащее по опеке попечение и

присмотр и заниматься хозяйственными распоряжениями к настоящей их пользе и к сельской экономии относящимся».

В основу деятельности Конторы были положены все постановления сенатского доклада о средствах улучшения состояния Новороссийских иностранных поселенцев, утвержденного Павлом I еще 6 апреля 1800 г. Перед Конторой ставилась задача «приохочивать иностранных поселенцев» к развитию в Новороссийском крае сельского хозяйства («насаждение тутовых деревьев, виноградных лоз, кунжутного семени и других полезных растений, умножение овчарных лучших пород») и промышленности («заведение полотняных, суконных, кожевенных и других фабрик»). Все распоряжения Конторы должны были писаться на немецком языке. Контроль над жизнью и деятельностью иностранных колоний должен был осуществлять главный судья Конторы ежегодным объездом всех поселений [12, с. 243–245].

Примечательно, что Сенатом были указаны положительные деловые и бытовые качества меннонитов – «почти все вообще в домашней жизни порядочны и опрятны, в нравственной трезвы и честны, а в домоводстве прилежны и старательны» [6, с. 116–117]. А. Клаус также указывает на «спокойный, религиозный характер меннонитов, их безупречное трудолюбие и рачительность к хозяйству <...> меннонит может быть только крестьянином – ни медалей, ни мундира, ни каких-либо вообще знаков наружного отличия не примет. Всякий промысел, ремесло, род торговли – все подчинялось этому основному понятию, все было неразрывно связано с земледелием как главнейшим призванием меннонита. Даже духовные старшины и проповедники были теми же крестьянами – хозяевами» [10, с. 157].

Особое покровительство меннонитам со стороны императора Павла I прослеживается в «Высочайшей грамоте Меннонистам» от 6 сентября 1800 г. Грамота показательна в религиозном и государственном отношении. Павел I подтверждал обещанную меннонитам и их потомкам религиозную свободу и автономию, право самим избирать своих духовных наставников и проповедников, а все внутренние вопросы общины решать на «общем церковном собрании», постановления которого утверждались «конвентом духовных старшин». Этот «конвент» представлял общину перед органами государственной власти и управления. В гражданском отношении меннониты были подчинены действию общих законов Российской империи [5, с. 101–103].

Императором Павлом I были подтверждены прежние положения Екатерины II о земельном обеспечении немецких колонистов: 65 десятин «удобной земли» давалось каждому семейству «в неоспоримое и веч-

нопотомственное владение». Меннониты ориентировались на развитие ремесел и торговли, устройство фабрик в селениях и городах: им позволялось «пользоваться всеми угодьями и рыбной ловлей, варить пиво и уксус, курить хлебное вино, как собственно для своего употребления, так и на продажу в розницу на землях им отведенных». В то же время на землях, принадлежавших меннонитам, император запрещал «посторонним людям строить харчевни и питейные дома, також откупщикам производить продажу вина и содержать шинки». Павел I подтвердил меннонитам освобождение их от военной и гражданской службы, от постоя, подтверждалось их право распоряжаться своим имуществом. Местной коронной администрации – «всем военным и гражданским начальникам и присутственным местам» император повелевал сохранить за меннонитами и их потомками пожалованные им земли, угодья и привилегии и «оказывать им во всех случаях всякую помощь, защиту и покровительство» [13, с. 286–287].

Государственные гарантии привилегий, ставка на «хороших и достаточных хозяев» привели к возникновению в первой четверти XIX в. на юге России – в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях – основной массы немецких колоний [14, с. 167; 8, с. 23]. Интенсивное развитие колоний наблюдалось в районе Молочных Вод (Мелитопольский уезд Таврической губернии), куда в 1800 г. правительство Павла I переселило 150 семейств меннонитов [14, с. 167; 8, с. 23]. Впоследствии на «Молочне» шел рост колоний. Из Пруссии сюда приезжали весьма состоятельные люди, вследствие чего «Молочанский округ сделался главным центром хозяйственной и умственной интеллигенции Меннонитов» [10, с. 150]. Всего же в Новороссии на 1800 г. иностранных поселенцев «тогда считалось до 560 семей» [15, с. 879].

Новый император Александр I продолжил дело своих предшественников по развитию хозяйства Новороссийского края с помощью привлечения туда иностранцев – немецких колонистов, что законодательно обеспечивалось довольно частыми указами в первые годы его царствования. По Именному указу 21 декабря 1801 г. военной Коллегии было дозволено принимать в России и селить австрийских военных дезертиров, предоставляя им на волю избирать род жизни по их желанию [16, с. 869].

По указу от 24 июля 1802 г. император Александр I повелел переселить часть меннонитов (150 семейств) из Хортицких колоний (346 семейств), на новые земли, покупаемые за счет казны (за 24 тыс. руб.) у тайного советника Миклашевского – на Нижнюю Хортицу, где им отводилось «11 755 десятин земли удобной и 468 десятин неудобной». Этим же указом подтверждалась и грамота на льготы меннонитам императора Павла I от 6 сентября 1800 г. [17, с. 286].

Именными указами 28 марта и 10 апреля 1803 г. Херсонскому военному губернатору А.А. Беклешову и Литовскому военному губернатору генералу от кавалерии барону Л.Л. Бенигсену император повелевал организовать водворение в Новороссийской губернии 150 семействам меннонитов, жившим около Эльбинга и Мариенбурга. Для размещения поселенцев поручалось Николаевскому и Таврическому гражданским губернаторам «приторговать у помещиков удобные в тех губерниях земли, которые, по незаселению их, с выгодой в казну куплены быть могут». Александр I особо обращалось внимание на приобретение земли для меннонитов около Одессы [18, с. 516–530].

10 апреля 1803 г. был высочайше утвержден доклад министра внутренних дел «Об отпуске денег из Казначейства на вспоможение ожидаемым из Эльбинга и Мариенбурга Менонистам». Желавшим «водвориться в Новороссийских губерниях» 150 семействам на путевые издержки ассигновалось из Государственного Казначейства 15 тыс. руб. [19, с. 533].

Не только обширная Новороссия, но и Крым стал местом расселения новых немецких колонистов. Александр I именным указом 24 июля 1803 г. Херсонскому военному губернатору А.А. Беклешову «О переселении колонистов из разных Немецких провинций» поручал «всеми зависящими способами содействовать прочному и удобному сих переселенцев водворению <...> в Крымском полуострове». Император обращал особое внимание на необходимость развития виноградарства в Крыму; покупая земли у частных лиц для водворения колонистов; поручал Таврическому гражданскому губернатору особенное попечение о немецких колонистах в Крыму: «доставлял бы им все способы к восстановлению там упавших виноградных садов» [20, с. 786].

17 октября 1803 г. последовал именной, данный Одесскому Градоначальнику генерал-лейтенанту Дюку де Ришелье, указ Александра I «О поселении в окрестностях Одессы и в других местах Губерний Херсонской, Екатеринославской и Таврической колонистов, из Германии прибывших». Император предписывал Ришелье поселить колонистов в окрестностях Одессы или других местах губерний Херсонской, Екатеринославской и Таврической. На это переселение Опекунской конторе иностранных поселенцев (управляющий коллежский советник Контениус) было ассигновано 30 тыс. руб. с обещанием, что «и впредь надлежащие суммы ассигнованы ей будут». Император желал, чтобы «колонисты сии как можно лучше призрены были, и не имели ни в чем надобности», что будет способствовать дальнейшему распространению колоний [21, с. 932–934].

Все эти указы облегчали положение иностранных колонистов и способствовали их притоку в Россию. О таких льготах отечественные пере-

селенцы в те времена не могли и мечтать. Они не получали от казны никакого пособия и не пользовались никакими льготами [14, с. 167].

В немецких колониях Новороссии были не одни только меннониты, но и иностранцы других западных вероисповеданий, нуждавшиеся в «духовном окормлении», поэтому 27 октября 1803 г. последовала высочайше утвержденная записка министра Внутренних дел о направлении «одного из Католических пасторов из Саратовских колоний в Одессу, а Лютеранского потребовать в Юстиц-Коллегии». Было определено и жалование священникам: лютеранскому в 400 руб. в год от Казны в течение десяти лет, а католическому – 300. По истечении десяти лет колонисты были обязаны сами содержать своих священников [22, с. 956–957]. В переселенческой политике правительство Александра I стало ориентироваться на качественный подбор переселенцев. Указами 1804 г. (20 и 23 февраля и 1 марта) по случаю значительного числа колонистов, вызванных из Германии Циглером, Ешером и другими вызывателями, были ограничены правила приема и указаны места водворения в губерниях Херсонской, Екатеринославской и Таврической [23, с. 137–154].

Мотивировкой введшихся ограничений был отказ от прежней практики вызовов переселенцев «без разбора», включая большое количество «не нужных ремесленников, дряхлых, слабых, одиноких и даже с застарелыми болезнями», большая часть из которых были «крайне бедны». Следовательно, принятие в Россию новых иностранцев «нужно ограничить на самой необходимости и единственно на хороших и достаточных хозяевах». Территорией их водворения должен был стать Новороссийский край.

Предпочтение в заселении земель Новороссии отдавалось тем из иностранцев, «кои для тамошнего края могут быть полезны». Такими колонистами были сочтены «хорошие земледельцы и люди, приобретшие довольный навык в возделывании винограда, в разведении шелковичных дерев и других полезных растений, таже искусные в скотоводстве, а наипаче в содержании и размножении лучших пород овец и имеющие все нужные познания о лучшем сельском хозяйстве». К переселению принимались также и сельские мастеровые: «портные, сапожники, плотники, кузнецы, горшечники, медники, ткачи и каменщики».

Вводились нормы ежегодного выхода из Германии колонистов на переселение в Россию – 100–150, но не более 200 семей. При этом расчет делался на переселение только состоятельных колонистов, имевших «в наличном капитале или товарах не менее как на 300 гульденов». Главным условием «выходящих на поселение» должна была быть большая состоятельная семья – «люди семьянистые», имеющая возможность содержать работников, поэтому в число переселенцев не принимались люди одинокие, или малосемейные (муж и жена).

Новые правила переселения гарантировали прежние «права переселенцев» и льготы, дававшие возможность заниматься зерновым хозяйством, животноводством, а также «заводить фабрики и другие нужные ремесла, торговать, вступать в гильдии и цехи, и везде в Империи продавать свои изделия». Кроме того, правительство стремилось «основать хорошую в колониях нравственность», и для острастки возможных «ослушников и непокорных постановленному начальству или тех, «кто пустится в разврат», напоминало о высылке таковых за границу с обязательным «звысканием с него должного казне» [23, с. 137–140; 8, с. 25].

Высочайше утвержденным докладом министра внутренних дел от 23 февраля 1804 г. «О местах для поселения иностранцев» водворение новых иммигрантов-колонистов рекомендовалось проводить по плану, учитывая как их хозяйственные возможности и интересы, так и потребности хозяйственного подъема Новороссийского края. Переселенцы направлялись в губернии Новороссии – Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую, коронной администрации которых указывалось для колонистов «избрать места, наиболее к портам приближенные, дабы переселенцы могли находить сугубые способы продавать продукты свои». Основными пунктами водворения колонистов были определены портовые города Одесса и Феодосия (Кафа).

Крымское «виноделие и садоводство» – такая «главнейшая цель при водворении в сих местах переселенцев» ставилась правительством. Для ее достижения каждая переселенческая немецкая семья получала в Крыму «20 десятинную пропорцию» земли. При этом указывалось, что колонистов-хлебопашцев «предпочтительно водворять на Молочных Водах» поблизости от меннонитов, поселенных в Екатеринославской губернии или на землях прежних кочевий калмыков, которые были переведены «ныне на земли Войска Донского».

Предполагалось переселение части прежних меннонитов на бывшие земли ногайских татар, чтобы приблизить колонистов к Таганрогу, «что доставит им способы избывать в сем городе свои продукты». Для новых колонистов, прибывавших из Германии, покупались Казной земли у графа Потоцкого, а последующие партии немецких колонистов намечалось расселять «в Тираспольском уезде, подаваясь к Ольвиополю» [23, с. 154–155].

По докладу министра внутренних дел, с традиционной императорской резолюцией «Быть по сему», 1 марта 1804 г. иностранным колонистам «достаточного состояния» была разрешена покупка земли в Новороссийских губерниях при соблюдении всех привилегий, ранее предоставленных иностранным переселенцам [23, с. 177].

На основании доклада министра внутренних дел о взыскании долга с хортицких меннонитов 9 сентября 1805 г. была предоставлена льготная отсрочка по казенным ссудам остающимся на месте на десять, а переселяемым на новое место жительства на двадцать лет. Льготную отсрочку на пять и десять лет получили и иозефстальские колонисты [24, с. 1241–1243].

В первые два десятилетия XIX в. колонизация меннонитов распространялась почти исключительно из-за границы. Но с 1820 г. «впуск в Россию иностранных поселенцев был вообще приостановлен, так что дальнейшая колонизация меннонитов производилась уже одними собственными силами» устроенных ранее колоний [10, с. 151].

Динамичную статистику роста немецких колонистов по данным ревизий показал известный исследователь В.М. Кабузан. По его подсчетам, в Новороссии в 1796 г. немцев насчитывалось всего 5,5 тыс. человек, а в 1858 г. – уже 138,8 тыс., их удельный вес в населении региона вырос с 0,4 проц. до 2,8 проц. К началу XIX в. немецкие поселения там состояли в основном из иммигрантов и их детей, прибывших в 1780-е годы. В Херсонской губернии немцы составляли 0,8 проц. жителей, в Таврической – 0,02 проц.

Значительный прирост немецких колонистов в Новороссию произошел в первой четверти XIX в. По данным УП ревизии (1815) немцы составили там 1,9 проц. жителей, по VIII (1833) – 2,5 проц., по IX (1850) – 2,9 проц., и по X (1857) ревизии – 2,8 проц. Новороссия превратилась в регион, куда направлялась подавляющая часть немецких колонистов, прибывавших в Россию [8, с. 24–25]. Все эти мероприятия привели к интенсивному росту численности немецкого населения в Новороссии. Со времени V по X ревизию (1795–1857) она выросла здесь более чем в 25 раз, причем за период между V и VII ревизиями (1795–1815) – в 8 раз.

В Таврической губернии в конце XVIII в. немцев почти не было. По данным VII ревизии (1815) их доля достигла здесь уже 2,4 проц., по VIII (1833) – 3,9 проц., по IX (1850) – 5,1 проц., а по X (1857) – 6,3 проц. (43,4 тыс. человек). Почти все они разместились в Мелитопольском уезде, где на протяжении периода 1804–1858 гг. немецкие колонисты образовали 87 колоний, из которых 37 было основано в 1804–1811 гг., когда сюда прибыла подавляющая часть колонистов. В Херсонской губернии, по данным V ревизии, немцы составляли 0,8 проц. (2,7 тыс. человек); по данным VII – 3,5 проц., X – 3,9 проц. (46,6 тыс. человек). В основном они проживали в Тираспольском и Одесском уездах.

В Екатеринославской губернии немецкое население, по данным V ревизии, достигло 0,6 проц. (2,8 тыс. человек), а X – 2,3 проц. (24,2 тыс. человек). Немцы расселялись в основном в Александровском и Новомосковском уездах. Во второй половине XIX в. (1858–1897) в Новороссии немецкое население выросло с 138,8 до 377,8 тыс. человек, а удельный вес

немцев среди всего населения составил 3,5 проц. В 1917 г. в Новороссии немцев насчитывалось 349,4 тыс. человек [8, с. 24–28].

Таким образом, немецкие поселенцы внесли свой позитивный вклад в развитие Новороссии и Крыма, а законодательное обеспечение их «водворения» на этих землях еще раз подчеркивает приоритет российской государственности в формировании и хозяйственном освоении новых территорий – вплоть до «естественных границ» Российской империи, исторической наследницей которых является современная Россия.

Библиографический список

1. Плева И.П. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. 2-е изд. М., 2000.
2. Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1939). М., 1999.
3. Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996.
4. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731–1823. Ч. 1: С 1731 по 1796 год / сост. А. Скальковский. Одесса, 1836.
5. Христианство: энцикл. слов.: в 3 т. М., 1995. Т. 2.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое (далее – ПСЗРИ-1). Т. XXVI. № 19372.
7. ПСЗРИ-1. Т. XXIII. № 17147.
8. Кабузан В.М. Немецкое население в России в XVIII – начале XX века (численность и размещение) // Вопросы истории. 1989. № 12.
9. Писаревский Григорий. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным документам) // Записки Моск. археолог. ин-та / под ред. А.И. Успенского. М., 1909.
10. Клаус А. Наши колонии: Опыт и материалы по статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869. Вып. 1.
11. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 2: С 1796 по 1823 год / сост. А. Скальковский. Одесса, 1838.
12. ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 19492.
13. ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 19546.
14. Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858). М., 1976.
15. ПСЗРИ-1. Т. XXXIV. № 27149.
16. ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 20086.
17. ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 19549.
18. ПСЗРИ-1. XXVII. № 20690, 20691.
19. ПСЗРИ-1. Т. XXVII. № 20705.
20. ПСЗРИ-1. Т. XXVII. № 20862.
21. ПСЗРИ-1. Т. XXVII. № 20988.
22. ПСЗРИ-1. Т. XXVII. № 21014.
23. ПСЗРИ-1. Т. XXVIII. № 21163, 21177, 21192.
24. ПСЗРИ-1. Т. XXVIII. № 21909.